

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

Выдающийся кубинский мыслитель Хосе Марти

В истории передовой общественно-политической и философской мысли народов Латинской Америки одно из почетных мест принадлежит национальному герою Кубы, революционному демократу Хосе Марти (1853—1895). Теоретическая и практическая деятельность Марти неразрывно связана с национально-освободительным и революционным движением широких народных масс Кубы во второй половине XIX века. Этот период ознаменовался двумя грандиозными войнами кубинского народа за свою национальную независимость (1868—1878 и 1895—1898 годов), которые положили конец многовековому колониальному господству Испании. Марти был признанным вождем, идейным вдохновителем и организатором второй революционной войны за независимость Кубы.

Революция 1895—1898 годов явилась последней в цепи национально-освободительных войн, происходивших в прошлом веке в американских колониях Испании. «Существом этого великого движения,— указывает У. З. Фостер,— было революционное наступление на феодальную систему. Это была широкая всеамериканская буржуазная, то есть капиталистическая, революция» (Уильям З. Фостер «Очерк политической истории Америки». 1953, стр. 161). Особенность кубинской революции 1895—1898 годов состоит в том, что она носила ярко выраженный антиимпериалистический характер. Марти первым в истории национально-освободительного движения в Латинской Америке выдвинул лозунг борьбы с новым врагом национальной независимости и свободы латиноамериканских народов — американским империализмом. В 1895 году, незадолго до своей гибели в бою под Дос Риос, он писал: «Мы должны добиться независимости Кубы, иначе Соединенные Штаты захватят Антильские острова и отсюда обрушатся на земли нашей Америки. Все, что я сделал до сих пор, и все, что мне еще предстоит совершить,— все для этого» (Хосе Марти. Избранное. М. 1956, стр. 280). Исто-

рия вскоре подтвердила слова Марти. В 1898 году США, преследуя захватнические цели, вмешались в испано-кубинскую войну 1895—1898 годов. В. И. Ленин отмечал, что американо-испанская война за захват Кубы и Филиппин была первой войной империалистического типа (см. Соч., т. 23, стр. 95).

Хосе Марти был не только пламенным революционером, но и оригинальным мыслителем, сочетавшим в себе самые разнообразные дарования. Он по праву считается одним из крупнейших писателей Латинской Америки второй половины XIX века. В прозе, поэзии, драматургии он показал себя талантливым художником слова, оставив немало замечательных произведений. Перу Марти принадлежит ряд статей, посвященных вопросам политики, философии, науки, литературной критики. Марти глубоко интересовался культурной жизнью других стран, в том числе и России. В его произведениях и черновых набросках можно встретить имена Белинского, Огарева, Тургенева, Толстого. Одну из статей он посвятил анализу творчества художника-баталиста Верещагина. Считая войну преступлением, Марти дает высокую оценку его знаменитой антимилитаристской картине «Апофеоз войны». В 1880 году Марти откликнулся на открытие памятника А. С. Пушкину в Москве статьей «Пушкин». Особо следует отметить также произведения Марти, в которых он выступал в защиту мира. «Будущее принадлежит миру — эти полные глубокого оптимизма слова Марти стали знаменем современного движения сторонников мира в Латинской Америке. В 1953 году народы многих стран, в том числе СССР и Китая, по призыву Всемирного Совета Мира отметили столетие со дня рождения Хосе Марти. На русском и китайском языках были изданы сборники его избранных произведений. Это говорит о том, что светлое имя Марти дорого всему прогрессивному человечеству.

В данной статье делается попытка выяснить место и значение Марти в истории

кубинской философии XIX века. Мы намерены рассмотреть в первую очередь те важные стороны его мировоззрения, которые наиболее запуганы и даже фальсифицированы в многочисленных писаниях буржуазных историков философии.

Две линии в кубинской философии XIX века

Вплоть до конца прошлого столетия Куба была колонией Испании и представляла собой отсталую аграрную страну со слабо развитой промышленностью. Испанские колонизаторы рассматривали Кубу как источник грабежа и наживы и поэтому не были заинтересованы в развитии ее экономики. Всячески препятствуя экономическому, политическому и культурному развитию Кубы, они ревностно стояли на страже старых феодально-колониальных порядков. Лишь в конце XIX века на Кубе формально было отменено рабство. Социальной опорой господства испанских колонизаторов являлись определенная часть крупных земельных собственников, тяготевших к сохранению старых порядков, католическая церковь, владевшая огромными земельными наделами, а также военная и чиновничья бюрократия, состоявшая в основном из испанцев, жителей метрополии. Кроме того, Испания держала на Кубе свои войсковые соединения и флот.

Идеологической основой феодально-колониального гнета Испании служила католическая религия. В деле завоеваний и эксплуатации колоний в Америке церковь, по словам У. З. Фостера, выполняла двойную роль: во-первых, она давала моральную и религиозную санкцию актам варварства, которыми изобилует вся история колоний; во-вторых, парализовала сопротивление угнетенных народов, отравляя их сознание религией, выражавшей интересы правящего класса (см. Уильям З. Фостер «Очерк политической истории Америки». 1953, стр. 123). В течение всего колониального периода католическая церковь сохраняла свое господство над умами людей. Она крепко держала в своих руках просвещение и общественную мысль, в том числе и философию, препятствуя их свободному развитию.

В конце XVIII — начале XIX века на Кубе намечается процесс освобождения философии из тенет теологии. Французская буржуазно-демократическая революция 1789 — 1794 годов, а также национально-освободительное движение на американском континенте дали мощный толчок этому процессу. Несмотря на все препятствия, чинимые колониальными и церковными властями, на Кубу проникают идеи западноевропейской прогрессивной философии и пере-

довой науки. В 90-е годы XVIII века в гаванской газете «Папель периодико» появляются две статьи неизвестных авторов: «Рассуждение о физике» и «Рассуждение о философии». Своим острием они направлены против средневековой схоластики, в защиту «новой философии». В 1797 году публикуется первое философское произведение — «Избранная философия», — которое написал священник Хосе Августин Кабальеро. Автор еще во многом следует схоластике (сама книга написана на латинском языке). Кабальеро включает физику в философию, память и другие психические явления рассматривает как функции души, утверждает, что первой причиной, породившей философию, является бог. Он полагает далее, что «если какое-либо философское суждение находится в очевидном противоречии с истиной, освященной авторитетом церкви, то первое несомненно ложно, потому что философия, как человеческий разум, должна быть подчинена авторитету церкви, как судье, который ее исправляет» (M. Vitiér «La Filosofía en Cuba». Mexico — Buenos-Aires, 1948, pp. 52—53). В то же время Кабальеро выступает в защиту опытной физики и химии, а также против слепого подчинения авторитету в самой философии. В 1795 году он даже выдвинул проект реформы образования, в котором призывал создать в учебных заведениях кафедры физики, химии, анатомии и организовать бесплатные народные школы. «Избранная философия» Кабальеро, проникнутая духом реформации, по праву может считаться связующим звеном между схоластикой и «новой философией».

Последователь Кабальеро священник Феликс Варела (1787 — 1853) уже открыто выступил против средневековой схоластики, положив, таким образом, начало независимому существованию философии. В 20-х годах прошлого столетия, будучи преподавателем в семинарии Сан Карлос, он осуществил свою знаменитую реформу преподавания философии. В этой семинарии впервые на Кубе философия перестала играть роль простой служанки теологии, в то время как подобная же реформа в Гаванском университете была проведена лишь в 1842 году. Суть реформы Варелы заключалась в следующем: упразднялся схоластический метод преподавания, вводилось изучение новой, европейской философии, физики и химии; испанский язык заменил латынь. Варела — автор ряда работ по философии, часть которых написана еще на латинском языке, часть же — на испанском и английском. Среди них выделяется «Философская смесь». В противовес Кабальеро Варела писал: Опыт и разум являются единственными источниками

или правилами знания в этой науке (то есть философии.— *О. Т.*... Авторитет святых отцов в вопросах философии точно такой же, как и авторитет философов, за которыми они следовали» (там же, стр. 63). Варела утверждал, что наука ничем не обязана веками господствовавшей схоластике, которая «отвернулась от реальной жизни». Метафизики, по его словам, превратили онтологию в «сборник премудростей и источник бесполезных вопросов».

Линию Варелы продолжил видный кубинский философ Хосе де Лус-и-Кабальеро (1800—1862). Его эмпириосенсуалистская философия оформила прогрессивное направление в кубинской философии XIX века, противостоящее различным течениям спиритуализма, господствовавшим в Гаванском университете. В 1838 — 1839 годах Лус написал полемическое произведение «Вопрос о методе», направленное против спиритуализма, выступавшего хранителем и продолжателем традиций средневековой схоластики. Отвечая своим противникам из университета, сторонникам спиритуализма, Лус писал, что вопрос о методе познания всегда был предметом острых дискуссий между сенсуалистами и спиритуалистами. По словам Луса, нельзя требовать от человеческой природы того, чтобы она сначала анализировала не свойства самой материи, а ощущения, как это делают спиритуалисты. Лус исходил из того, что изучение реальной действительности, фактов должно предшествовать созданию теорий. Утверждая первичность объекта познания, Лус писал: «Начинать с физики или изучения естественных дисциплин вообще — это значит начинать сначала. Человек, естественно, вынужден заниматься созерцанием внешних предметов через бесчисленное количество ощущений, вызываемых ими в наших органах чувств. Так, человек независимо от себя самого должен быть прежде всего натуралистом, а не идеологом; начинать нужно с внешнего, а не с внутреннего...» (там же, стр. 98). Отстояв в борьбе со спиритуалистами эмпириосенсуалистский, материалистический в своей основе метод познания, Лус, однако, не порвал окончательно с теологией, а остановился на полпути, пытаясь примирить две противоположности — науку и религию. Он писал: «Науки — это реки, которые влекут нас в безбрежное царство святого духа» (там же, стр. 105). «Нет более подходящего средства изучения, которое бы привило нам священные идеалы, чем изучение законов природы. Великий Ньютон был и не мог не быть глубоко религиозным человеком» (там же, стр. 112). Отстаивая сенсуализм, Лус в то же время отгораживался от материализма.

Характерно, что его современник, поэт Доминго дель Монте, в своей работе «Религиозная мораль» осуждал некоторые философские теории XVIII века (и прежде всего сенсуализм Локка и Кондильяка) за то, что они ведут к материализму. Материалистические положения у Луса переплетаются с серьезными уступками идеализму. Его эмпириосенсуализм полон теологической непоследовательности. Тем не менее его философию нельзя ставить на одну доску с домыслами апологетов спиритуализма, какими были братья Хосе и Мануэль Сакариас Гонсалес дель Балле, преподававшие философию в Гаванском университете.

Так к середине прошлого века в кубинской философии сложились два направления: эмпириосенсуализм, тяготевший к материализму, и спиритуализм, выступавший хранителем и продолжателем традиций средневековой схоластики. Борьба между этими направлениями заполняет всю историю философии Кубы того времени. Она отражала острые политические разногласия между борцами за независимость Кубы и сторонниками сохранения колониального режима Испании. Эмпириосенсуализм выступал союзником кубинского национально-освободительного движения, спиритуализм с тесным единством с католицизмом освящал колониальный гнет. Это вынужден признать и буржуазный историк философии А. Э. Травieso. В своей статье, посвященной философии Кубы XIX века, он пишет: «В действительности, для тех, кто прикрывался флагом спиритуализма или неоплатонизма, как Хосе Сакариас Гонсалес дель Балле, колониальный режим оставался оправданным в своем существовании, в то время как эмпириков благородная жажда знания всегда могла бы привести к открытию новых неизвестных форм, способных сделать нашу общественную жизнь более счастливой» («*Libro de Cuba*». La Habana, 1954, p. 627). Продолжателями традиций Варелы и Луса выступили Хосе Марти и его не менее известный современник, видный философ Энрике Барона (1843—1933).

Философские воззрения Хосе Марти

Философские взгляды Марти претерпели сложную эволюцию. В первый период формирования своего мировоззрения (приблизительно 70-е годы прошлого столетия) Марти безуспешно пытался эклектически сочетать в одной системе материализм с идеализмом. В эти годы он еще не стоял на позициях последовательного революционного демократизма. Революционная демократия как политическое течение еще только зарождалась. В качестве руководящей идеологической и политической силы в нацио-

нально-освободительном движении Кубы в то время выступал помещичье-буржуазный либерализм, наложивший известный отпечаток как на политическую позицию Марти, так и на его ранние философские воззрения. Кроме того, непоследовательная и противоречивая философия Луса, входившая составной частью в идеологию либерализма и являвшаяся в то время вершиной развития кубинской философской мысли, явилась благоприятной почвой для возникновения эклектических теорий. В 1871—1874 годах Марти учился в Испании сначала в Мадридском, а затем в Сарагосском университете, который окончил в 1874 году, получив звание лиценциата гражданского права, философии и литературы. В эти годы он познакомился с модным в то время в Испании эклектическим философским течением — краусизмом¹. Краусизм в его испанской интерпретации оказал влияние на молодого Марти. В своих «Философских мыслях»² он характеризует учение Краузе как философию, которая преодолевает крайности идеализма и материализма. «Я получил большее удовольствие,— писал он,— когда нашел в Краузе эту промежуточную философию, секрет двух крайностей» (Obras. V. 2, p. 416). Каждая школа в отдельности, то есть материализм и идеализм, представляет собой только одну сторону истины, и только соединение двух школ образует истину в полном смысле и значении этого слова. Марти объясняет это тем, что одна часть природы, на которую направлено человеческое познание, «ощутима, и поэтому материальна, другая — неощутима и, следовательно, нематериальна» (там же).

¹ Своим названием оно было обязано немецкому философу, современнику Гегеля, Карлу Краузе (1781—1832). Философия Краузе, беспринципно сочетавшая в одной системе пантеизм с теизмом (панентеизм), претендовала на открытие абсолютной истины, в которой якобы стираются все крайности материализма, идеализма и религии. В Испании краусизм вышел далеко за рамки чисто философского течения и приобрел характер широкого культурного движения, ставившего своей целью обновление страны, прежде всего — образования и политического управления. Отнюдь не все представители кубинской интеллигенции, объединившиеся под флагом краусизма, разделяли философские воззрения Краузе. Движение в своей основе носило буржуазный характер.

² «Философские мысли» — записи Марти по философии, на основании которых он в 1878 году читал лекции по философии в педагогическом институте в Гватемале, — включены во второй том его двухтомного собрания сочинений (Jose Martí. Obras completas. La Habana, Ed. Lex, V. 2, p. 409 — 419).

«Природа,— писал Марти,— это все, что существует в любой форме — духовной и телесной...» (там же, стр. 414)³.

Все это свидетельствует о том, что Марти еще не понял основного вопроса философии и поэтому не смог занять принципиальную позицию в оценке двух основных лагерей в философии. Он не понимал, что в пределах основного гносеологического вопроса о том, что признать первичным и что вторичным, противопоставление материи и сознания имеет абсолютное значение. По словам В. И. Ленина, для материи и духа как предельно широких понятий гносеологии нельзя дать иного определения, «кроме как указания на то, которое из них берется за первичное» (Соч., т. 14, стр. 133).

Вместе с тем отметим некоторые положительные моменты мировоззрения молодого Марти, одновременно привлекая, чтобы избежать нежелательных повторений, выдержки из его более поздних произведений. Положительным в воззрениях Марти является их антикатолическая, антисхоластическая направленность. В этом отношении Марти продолжает прогрессивную тенденцию в кубинской философии: отстаивает научное знание как единственно правильный метод познания действительности, отвергает мистическую веру и схоластику. Он писал: «...Мистическая вера, вера в космическое слово браманов, в исключительное слово волшебников, в традиционное, метафизическое и неподвижное слово священников, вера, которая вопреки наблюдаемому движению Земли заявляет, что она движется иначе, вера, которая заковывает в кандалы и ослепляет механика из Валенсии, вера, которая обвиняет в колдовстве маркиза Виллена. Бэкона и Галилея, вера, которая сегодня отрицает то, что она завтра вынуждена будет признать,— эта вера служит средством не для того, чтобы познать истину, а для того, чтобы затемнить и задержать ее открытие...» (Obras, V. 2, p. 413). Схоластика, по словам Марти, превратилась в бич свободного мышления» (там же, стр. 716).

Марти решительно высказывается против преподавания в школах религии. Разоблачая попытки церковников увековечить

³ В «Философских мыслях» Марти можно найти также мимолетное упоминание о боге как «необъятном море духа». Однако он отрицает существование бога-творца, бога как личности, что составляет основу философии Краузе и католицизма. Читая лекции по философии в педагогическом институте в Гватемале, Марти исходил из того, что «тип Христа в каждой стране различен и похож на человека данной страны» (Obras, V. 1, p. 1898). или, другими словами, люди создали богов по своему образу и подобию.

отрыв обучения от жизни и изучения природы, он с тонкой иронией спрашивает: «Или до того пуста и похожа на дым католическая религия, что с изучением Природы и способностей человека она рухнет?» (там же, стр. 395). Человек должен непосредственно, не прибегая к «помощи» религии, изучать окружающий мир. Ныне «научный университет» пришел на смену «теологическому университету» средневековья. Отделять человека от природы, говорит Марти, «чудовишно». «Птицам даны крылья, рыбам — плавники, а людям, которые живут в Природе, — изучение и познание Природы; вот их крылья» (там же, стр. 504). Борьба за науку, против теологии и католицизма, уже тогда становится основной чертой его мировоззрения.

Признание принципиальной познаваемости мира — другая отличительная черта мировоззрения Марти. Человеческое познание, говорит он, не нуждается в помощи религии. Человек сам должен постигать все его интересующее. «Нельзя увидеть вещь, не смотря на нее. Нельзя познать вещь, не изучая ее. Изучение — это глаз разума. Таким образом, — заключает Марти, — мы сами являемся первым средством познания вещей. естественным средством исследования, естественным философским средством» (там же, стр. 414). Вера во всепобеждающую силу человеческого разума пронизывает все его произведения. Вся история человечества, говорит Марти, наглядно свидетельствует о больших способностях людей к анализу, классификации фактов и выведению на их основе законов. То, что еще вчера было набором разрозненных фактов, ныне приобретает стройность настоящей науки, где каждый факт получает свое объяснение и занимает подобающее ему место среди других фактов. Еще несколько лет назад электричество было непокорной и разрушительной силой, природа которой оставалась неизвестной. А сейчас оно служит человечеству, по образному выражению Марти, как «хорошо обезданная лошадь».

Ценно, что в «Философских мыслях» Марти считает закономерность, причинность внутренне присущими самой природе. «Должны ли законы, — спрашивает он, — устанавливаться для реального и осязаемого мира интуицией индивидуума?..» (там же, стр. 412). Это неразумно, отвечает Марти, так как законы вещей должны выводиться из наблюдения вещей, из них самих. По его словам, одна из ошибок метафизики заключалась в том, что она пыталась установить законы, не исследуя сущности вещей. Марти был чужд субъективистский подход к решению проблемы причинности. Природа в его пред-

ставлении развивается по своим, внутренне присущим ей законам, и ничто не может остановить ее постоянного развития. Человек, по словам Марти, может открыть законы движения звезд, но не может ни лишить их света, ни вывести их из орбиты. Вспомним слова В. И. Ленина, который, характеризуя две линии в вопросе о законе, писал: «Признание объективной закономерности природы и приблизительно верного отражения этой закономерности в голове человека есть материализм» (Соч., т. 14, стр. 142). Признание объективной закономерности — одна из самых сильных сторон в философских воззрениях Марти. Буржуазные историки философии, которые вкривь и вкось толкуют даже самые второстепенные высказывания Марти, старательно обходят молчанием этот важный момент в его мировоззрении.

В 80-е годы материалистическая тенденция в мировоззрении Марти еще более усиливается. В эти годы он окончательно переходит на позиции последовательного революционного демократизма, решительно защищая интересы широких народных масс, в первую очередь крестьянства. В дальнейшем революционно-демократическое течение во главе с Марти в условиях нарастающего революционного подъема народных масс вылилось в широкое национально-освободительное движение. Помещичье-буржуазный либерализм, исчерпав свою относительную революционность, к тому времени уже выродился в плоский реформизм, а к началу войны 1895—1898 годов окончательно скатился в болото контрреволюции. Переход Марти на позиции революционного демократизма оказал огромное влияние на эволюцию всего его мировоззрения.

Благодарным было для Марти также знакомство с передовыми достижениями естествознания того времени. Стихийный естественнонаучный материализм большинства естествоиспытателей XIX века не мог не оказать положительного влияния на Марти, который уже в молодые годы решительно ставил на место веры разум, на место бесплодной схоластики и католической догматики — науку и знание, добытое путем объективного изучения фактов действительности. В 80-е годы он знакомится с сочинениями Дарвина, Гексли, Геккеля, живо интересуется и откликается в своих статьях на все сколько-нибудь значительные достижения и открытия в научном мире. Под их влиянием Марти укрепляется в своих материалистических воззрениях в вопросах о познаваемости мира а его закономерностей. Он начинает отрешаться от своего эклектизма. Рассмотрим подробнее последний момент, ибо он имеет самое непосредственное отношение к ха-

характеристике эволюции мировоззрения Марти в целом.

«Два важных вопроса привлекают ныне к себе внимание философов,— писал Марти,— познание Земли и познание жизни» (Obras, V. 1, p. 924).

Солидаризируясь с учениями передовых естествоиспытателей, Марти так же, как и они, рассматривал происхождение Земли и появление на ней человека как естественноисторический процесс. Фактически уже в своих «Философских мыслях» он исключает вмешательство бога в дела природы, которая развивается по внутренне присущим ей законам. И в дальнейшем Марти ни разу не ссылается на бога при объяснении происхождения Земли, человека и т. д., а придерживается в основном научного и материалистического взгляда, решительно отвергая всякие домыслы поповщины. «Как только на Земле создались условия, в которых мог бы появиться человек,— писал он,— человек появился, и в любом месте, где Земля могла обеспечить ему существование. Любопытно видеть, как самая передовая наука новейшего времени подтверждает элементарные и ясные идеи, которые сразу приходят на ум при небольшом размышлении любому смышленному ребенку!» (там же, стр. 1045).

Значительный интерес для характеристики эволюции философских воззрений Марти, а также для оценки его мировоззрения в целом представляет вопрос о том, с каких позиций подходил он к объяснению происхождения жизни — другой важной проблемы, которая во весь рост встала перед наукой во второй половине XIX века.

Стремясь найти правильный методологический подход к решению этой проблемы, Марти подверг резкой критике, с одной стороны, вульгарный материализм, с другой — спиритуализм. Критикуя вульгарный материализм, который отождествлял сознание и материю, «материализовал» дух, мысль, психическое вообще, Марти с удовлетворением отмечал, что наука успешно преодолевает эту болезнь роста. «Уже проходит детский период современной науки, каким был бюхнеризм...» — писал он (там же, стр. 1899). Отвергая взгляды вульгарных материалистов, Марти вместе с тем выражал свои симпатии подлинно материалистической концепции о происхождении жизни. Он солидарен с мнением большинства биологов, что «жизнь возникла из примитивной клетки», утверждая тем самым, что «мир не был сотворен, а является таковым в результате непрерывного развития» (Obras, V. 2, p. 1169). Нет никакой опасности в том, что «многие биологи рассматривают дух как продукт материи». Опасность, указывает Марти, проистекает от того, что

некоторые ошибочно полагают, будто «такие прекрасные вещи, как аффекты, и такие возвышенные, как мысли, рождаются подобно плесени на мясе...» (Obras, V. 1, p. 943).

Одновременно Марти отвергает и претенциозную антропоцентрическую систему спиритуалистской школы, критикует попытки спиритуалистов положить в основу всего сущего духовную субстанцию. «Влиянием культуры на человеческий ум объясняется стремление последнего рассматривать действительное как явление, а не как субстанцию, как случайное и результат, а дух как исключительное бытие» (Obras, V. 2, p. 1684). С позиций естественнонаучного материализма Марти подвергает резкой критике спиритуалистские рассуждения Фрэнсиса Солтена. Последний заявлял: «Дайте мне три поколения родственников, и я вам предскажу все духовные качества их потомков» (Obras, V. 1, p. 958). По мнению Марти, такой «теорией» наследственности Солтен преследует цель заставить «материалистическую философию согласиться с тем, что дух появляется на земле с заранее намеченным и сформировавшимся характером», и «даже признать в той или иной форме истинность предсуществования, что, в свою очередь, ведет к утверждению необходимости и разумности послесуществования» (там же, стр. 959). Характерно, что, отвергнув претенциозную теорию Солтена, Марти заявил, что именно материалистическая, а не идеалистическая школа будет развивать молодую науку о «духовной жизни»: «Материалистическая философия, которая является не чем иным, как горячим выражением человеческой любви к истине и законным восстанием духа анализа против претенциозности и высокопарности тех, кто пытается установить законы вещей, сущности которых не знает, укрепив свои системы, встанет перед необходимостью изучения законов духа. От отрицания духа (которое было вызвано в наше время, как и в прошлом, утверждением исключительности духа) она перейдет к открытию того, что дух подчинен законам и движется в соответствии с ними, ускоряемый или сдерживаемый в своем развитии механическими причинами или окружающими обстоятельствами» (там же, стр. 957). Все это, безусловно, свидетельствует о том, что мировоззрение Марти развивалось от эклектизма, отчетливо выраженного в его «Философских мыслях», к материалистическому монизму.

Следует также отметить, что, приняв материалистический метод объяснения проблемы происхождения жизни, Марти высказал замечательную диалектическую догадку о форме перехода от неоощущающей мате-

рии к ощущающей. Он писал: «Уже известно многое... будет известно еще больше, и в биологии не останется большей тайны, чем секрет происхождения примитивных существ, тайны, которая раздражает и бросает вызов человеческому уму. Но биология не разрешит проблем, не уничтожит путаницу, все еще порождаемую вопросом о происхождении жизни, если она будет искать ответ на них, не опираясь на теорию революции (разрядка моя.— О. Т.)...» (M. Isidro Mendez «Martí». La Habana, 1941, p. 219—220).

Мартí верно почувствовал, что только революционным качественным скачком, а не плоской эволюцией можно объяснить превращение неощущающей материи в ощущающую и появление на земле первых примитивных живых существ.

Вместе с тем, стремясь найти правильный методологический подход к объяснению проблемы происхождения жизни, Мартí допустил и некоторую уступку идеализму. Это, с одной стороны, помешало ему окончательно поставить точку над «и» в решении основного вопроса философии, а с другой стороны, дало повод нынешним буржуазным историкам философии причислить его к идеалистам.

К объяснению проблемы происхождения жизни Мартí подходил, опираясь на учение Дарвина. Соглашаясь с его учением, он в то же время указывал, что оно «неполно», так как, показывая закономерности развития тела, оно не раскрывает законов происхождения и развития духа. Учение Дарвина, по словам Мартí, еще «не дает ответа на вопрос о том (однако в этом нет никакой опасности для тех, кто считает, что дух является продуктом материи), что дух в животных совершенствовался по мере того, как развивалась их форма» (Obras, V. I, p. 943). Исходя из этого, Мартí делает такой вывод: «Жизнь двойственна. Ошибается тот, кто изучает только одну ее половину» (там же, стр. 944). Эта формулировка Мартí не отличается четкостью. Более того, она двусмысленна. И хотя Мартí не отрицал лежащих в основе учения Дарвина положений о том, что «дух является продуктом материи», а «человек есть не надменное центральное существо, индивидуум исключительного типа, вокруг которого вращается все небесное и земное, животные и звезды, а лишь известная вершина зоологического ряда», этот двусмысленный и неточный вывод Мартí оказался в руках буржуазных историков философии тем средством, при помощи которого они попытались спасти его от «анафемы» материализма. Так, например, кубинский историк, академик Исидро Мендес категорически заявляет: «Спиритуалист, как всегда, он (Мартí.— О. Т.) решительно высказывается за дуа-

лизм — «жизнь двойственна; ошибается тот, кто изучает только одну ее половину» (M. Isidro Mendez «Martí». La Habana, 1941, p. 220). А вот что пишет его соотечественница Ракель Катала: «Его (Мартí.— О. Т.) спиритуалистская концепция — это концепция не исключения, а, наоборот, включения. Он не отвергает материалистическое учение (Дарвина.— О. Т.) как ложное. Восторженно оценивает его положительные заслуги, но объявляет его неполным. Философия и метафизика, наука и поэзия служат для него другими средствами, абсолютно необходимыми для понимания и реализации жизни во всей ее полноте.

В этом, пожалуй, заключается одна из менее всего изученных черт личности Мартí» (R. Catala «Martí y el espiritualismo». La Habana, 1942, p. 10). Ракель Катала забыла только добавить, что «для понимания и реализации жизни во всей ее полноте» нужна и... теософия, основы которой она тщетно пытается найти в воззрениях Мартí.

Факты свидетельствуют о том, что в зрелом возрасте в мировоззрении Мартí чрезвычайно усиливается материалистическая тенденция. Это признает, например, американец Крауфорд, который отмечает, что Мартí становится «более научным, более материалистом, более революционным в своем отношении к капитализму, империализму и религии, более опытным тактиком в историческом движении...» (W. R. Crawford «A Century of Latin-American Thought». С. М., 1945, p. 236).

Буржуазные историки философии, стремясь изобразить Мартí идеалистом, сознательно обходят многие важные материалистические положения в его произведениях и сосредотачивают свое внимание на слабостях в его мировоззрении. При этом многие недостатки в его взглядах, например, в вопросе о происхождении жизни, были в значительной степени обусловлены слабостью тогда еще совсем молодой науки о «духовной жизни». Известно, что материалистическое учение Сеченова и Павлова в то время еще только складывалось, а научно обоснованные теории о происхождении жизни вообще появились значительно позже. Этим объясняется тот факт, что Мартí, хотя и признавал дух продуктом материи, а мысль — функцией мозга, не был до конца последователен в решении вопроса о происхождении жизни и допустил известные уступки идеализму. И все же можно с полным основанием сказать, что к объяснению происхождения жизни Мартí подходил в основном с материалистической, научной точки зрения.

* * *

Философские взгляды Мартí представляют собой шаг вперед в развитии передовой философской мысли Кубы XIX века. Мартí

продолжил линию Варелы — Луса. Он углубил критику католицизма, отстаивая принципиальную познаваемость мира, защищая принципы детерминизма, на которых зиждется любая наука, в том числе и наука о «духовной жизни»; пропагандировал материалистические теории происхождения земли и человека; высказал ряд интересных соображений по вопросу о происхождении жизни.

Без преувеличения можно сказать, что Марти отличался передовыми для своего времени политическими и философскими взглядами. Последние послужили теоретической основой его революционного демократизма. И хотя в целом в объяснении общественной жизни Марти был идеалистом, материалистическая тенденция в истолковании целого ряда вопросов общественного развития без труда обнаруживается в его философии. В своей революционно-практической деятельности Марти исходил из того, что общество развивается по объективным законам. Одновременно он отвергал фатализм и признавал активную роль народа, партий, личности в истории. Марти решительно отбросил мистическую теорию провиденциализма, при помощи которой католицизм пытался оправдать неизбежность феодально-колониального строя на Кубе, а заодно и наказать, что любая революционная деятельность людей заранее обречена на неудачу, так как ход истории издавна предопределен богом. В противовес этой доктрине Марти писал: «Прогресс неизбежен, но он совершается через нас самих, мы являемся нашим критерием и нашим законом; все зависит от нас, человек является логикой и провиденцией человечества» (Obras, V. 2, p. 716). Отвергая католицизм, Марти выступал за отделение церкви от государства, так как без этого «народ не может быть счастлив» (Obras, V. 1, p. 1964). Для Марти характерны, например, следующие высказывания: «Жизнь человека и народов основывается на удовлетворении их материальных потребностей» (Obras, V. 2, p. 803). «Когда изменяются условия существования людей, изменяются литература, философия и религия...» (Obras, V. 1, p. 1063).

Опираясь на свои прогрессивные фило-

софские воззрения и глубокое знание политической обстановки Кубы второй половины XIX века, Марти разработал революционно-демократическую программу преобразования кубинского общества, которая в значительной мере способствовала тому, что революция 1895—1898 годов приобрела наиболее народный и демократический характер из всех национально-освободительных войн прошлого века в Латинской Америке. Марти и созданная им в 1892 году Кубинская революционная партия противопоставили партиям помещичье-буржуазного блока идеологию революционного кубинского крестьянства и зарождавшегося пролетариата. Они ставили перед собой задачу революционным путем, посредством всенародного вооруженного восстания, уничтожить феодально-колониальный строй и установить демократическую республику. Марти мечтал о построении на Кубе общества социального равенства и справедливости, общества без классов и без эксплуатации человека человеком, то есть социалистического общества. Подобно Сунь Ят-сену и русским народникам, он искренне верил, что развитие Кубинской демократической республики после ликвидации феодально-колониального режима Испании пойдет по «особому», некапиталистическому пути. Утопическая вера Марти в «особый» путь развития своей страны была порождена отсталостью общественной жизни Кубы того времени. Тем не менее лозунг демократической республики, выдвинутый Марти и отражавший интересы крестьянства и зарождавшегося пролетариата, сыграл прогрессивную роль в истории национально-освободительного движения Кубы и всей Латинской Америки. Этот лозунг призывал к решительной ломке старых феодально-колониальных порядков, а его требование демократической республики было, по существу, требованием буржуазно-демократической республики. В условиях отсталой феодально-колониальной Кубы это был бы, несомненно, крупный шаг вперед по пути социального прогресса, а в конечном счете по пути к социалистическому обществу, о котором мечтал Марти.

О. С. ТЕРНОВОЙ (Минск)